

·thebigbook·

Д Ж Е Й С О Н
Р Е К У Л И К

С К Р Ы Т Ы Е
К А Р Т И Н Ы И

РОМАН

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Р 36

Jason Rekulak
HIDDEN PICTURES
Copyright © 2022 by Jason Rekulak
Original artwork © 2022 by Will Staehle and Doogie Horner
This edition is published by arrangement with Sterling Lord Literistic, Inc.
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Тетериной

Оформление обложки Ильи Кучмы

Иллюстрации Уилла Штеле и Дуги Хорнера

ISBN 978-5-389-21423-1

© И. А. Тетерина, перевод, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Джулии

1

Несколько лет тому назад я от безденежья решила поучаствовать добровольцем в научном исследовании, которое проводил Пенсильванский университет. Приехав к назначенному времени в медицинский центр в кампусе в Западной Филадельфии, я очутилась в большой аудитории, битком набитой женщинами от восемнадцати до тридцати пяти лет. Стульев на всех не хватило, и я как пришедшая одной из последних вынуждена была, дрожа, сидеть прямо на полу. Всем участницам полагались бесплатный кофе и шоколадные пончики, по большому телевизору показывали «Цену удачи», однако большинство сидело, уткнувшись в телефоны. Атмосфера очень походила на зал ожидания в Отделе транспортных средств, за исключением того, что оплата у всех нас была почасовая, так что, похоже, никто не возражал против того, чтобы проторчать здесь хоть до самого вечера.

Вошла докторша в белом лабораторном халате. Она представилась то ли Сьюзен, то ли Стейси, то

ли Самантой и сказала, что она аспирантка, участвующая в программе клинических исследований. Зачитав нам все традиционные правила и предупреждения, она напомнила, что оплата будет выдаваться в виде подарочных сертификатов «Амазона», а не чеками или наличными. Нашлись недовольные, мне же было все равно: мой бойфренд покупал у меня эти сертификаты из расчета восемьдесят центов за доллар, так что беспокоиться было не о чем.

Каждые несколько минут Сьюзен (по-моему, ее все-таки звали Сьюзен) вызывала по фамилии кого-то из списка в своем блокноте, и вызванная выходила из аудитории. Обратного никто не возвращался. Вскоре свободных стульев было хоть отбавляй, но я так и осталась сидеть на полу, опасаясь, что, если я шевельнусь, меня вырвет. Все тело ломило, меня бил озноб. Но в конце концов просочилась информация, что на входе никого не тестируют, а это значило, что никто не будет ни проверять мою мочу на наличие запрещенных препаратов, ни измерять мой пульс, ни делать ничего такого, из-за чего меня могли бы отсеять, так что я с чистой совестью закинула в рот таблетку оксикодона и рассасывала ее до тех пор, пока не растворилась желтая восковая облатка. Тогда я выплюнула ее содержимое на ладонь, растерла между пальцами и втянула ноздрями где-то примерно треть. Этого мне должно было хватить, чтобы очухаться. Остаток я завернула в маленький квадратик фольги — на потом. После этого меня перестало колотить и жизнь снова стала сносной.

Часа примерно через два докторша наконец объявила: «Куинн? Мэллори Куинн?» — и я двинулась к ней между рядами стульев, волоча за собой по полу зимнюю куртку. Если Сьюзен и заметила, что я под кайфом, то ничего не сказала. Она просто уточнила мой возраст (девятнадцать) и дату рождения (третье марта), после чего сверила мои ответы с информацией у себя в блокноте. По всей видимости, я показалась ей достаточно вменяемой, потому что она повела меня за собой по лабиринту коридоров, пока мы наконец не очутились в маленькой комнатухе без окон.

Там на складных стульях, составленных в ряд, сидели пятеро молодых мужчин; все они смотрели в пол, так что лиц их мне было не видно. Но я решила, что это студенты-медики или практиканты, поскольку на всех были хирургические костюмы, темно-синие, с глубокими заломами, как будто их только что распаковали.

— Так, Мэллори, будьте добры, встаньте вот у этой стены, лицом к молодым людям. Да-да, вот тут, где крестик. А сейчас я расскажу вам, как все будет происходить, после чего мы завяжем вам глаза.

И тут я обратила внимание на то, что она держит в руках черную маску, вроде той, которую на ночь надевала моя мать, чтобы свет не мешал спать.

Сьюзен объяснила, что мужчины, которые сейчас смотрят в пол, в течение ближайших нескольких минут будут время от времени поднимать глаза и смотреть на мое тело. Моей задачей было поднимать ру-

ку, если я почувствую на себе «мужской взгляд». Руку я должна была держать поднятой до тех пор, пока будет длиться это ощущение, и опускать, как только оно исчезнет.

— Мы будем делать это на протяжении пяти минут, но, возможно, потом повторим эксперимент еще раз. У вас есть вопросы?

Меня разобрал смех.

— Ага, вы все тут что, «Пятидесяти оттенков серого» начитались? Потому что, если я правильно помню, это глава двенадцатая.

Это была попытка пошутить, чтобы разрядить обстановку, и Сьюзен из вежливости улыбнулась, однако никто из мужчин меня не слушал. Все листали свои блокноты и синхронизировали секундомеры. Атмосфера в кабинете была самая что ни на есть деловая. Сьюзен надела маску мне на глаза и отрегулировала резинку так, чтобы нигде ничего не давило.

— Мэллори, так не туго?

— Угу.

— Ну что, вы готовы?

— Да.

— Тогда начинаем на счет три. Джентльмены, приготовьте ваши секундомеры. Раз, два, три!

Я чувствовала себя очень странно, неподвижно стоя в течение этих пяти минут с завязанными глазами и думая о том, что, возможно, парни сейчас пялятся на мою задницу или грудь. Не было слышно ни звука, ничего такого, что могло бы подсказать

мне, что происходит. Но я определенно ощущала на себе их взгляды. Несколько раз я поднимала и опускала руку, и пять минут показались мне часом. После того как мы закончили, Сьюзен попросила меня повторить эксперимент, и мы снова проделали все то же самое. Потом она попросила меня повторить эксперимент в третий раз! И когда она наконец сняла с меня маску, все парни поднялись со своих мест и зааплодировали, как будто я только что получила «Оскар».

Сьюзен пояснила, что за неделю в эксперименте успели принять участие сотни женщин, но я стала первой, кто отвечал практически безошибочно и трижды угадывал взгляды с 97-процентной точностью.

Она сказала парням, чтобы сделали перерыв, после чего увела меня к себе в кабинет и принялась задавать вопросы. Каким образом я понимала, что мужчины на меня смотрят? А я не могла дать ей никакого внятного объяснения — я просто это понимала. Это было какое-то еле уловимое ощущение на грани восприятия — нечто вроде шестого чувства. Если вы сами испытывали нечто подобное, то наверняка поймете, что я имею в виду.

— Ну и потом еще этот звук.

Ее глаза расширились.

— Серьезно? Вы слышали какой-то звук?

— Иногда. Он совсем тонкий. Как комариный писк практически над самым ухом.

Сьюзен так стремительно схватилась за ноутбук, что едва его не уронила, и принялась что-то набирать, а потом спросила, не соглашусь ли я прийти еще раз через неделю, чтобы она могла провести дальнейшие исследования. Я сказала, что за двадцать баксов в час готова ходить к ней сколько ее душе угодно. Я дала ей свой номер телефона, и она пообещала, что позвонит и скажет, когда приходить, но в тот же вечер я обменяла свой айфон на пять таблеток оксикодона, а никаких других моих контактов у нее не было, так что больше я никогда о ней не слышала.

Теперь, когда я избавилась от наркотической зависимости, у меня миллион сожалений — и проданный айфон среди них на последнем месте. Но иногда я вспоминаю тот эксперимент и задумываюсь. Я пыталась искать ту докторшу в Интернете, но я ведь даже не помню ее имени. Как-то раз я даже доехала на автобусе до университетского медицинского центра и попыталась отыскать ту аудиторию, но за это время кампус совершенно изменился: появилась куча новых зданий и все стало выглядеть по-другому. Я пробовала гуглить фразы вроде «обнаружение взгляда» и «восприятие взгляда», но все результаты говорят о том, что подобного феномена не существует в реальности: нет никаких доказательств того, что у кого-то есть «глаза на затылке».

И наверное, я смирилась с фактом, что никакого эксперимента на самом деле не было, что это всего лишь одно из множества ложных воспоминаний,

ставших результатом моего пристрастия к оксикодону, героину и прочим наркотикам. Мой куратор Рассел утверждает, что ложные воспоминания для наркоманов дело обычное. Он говорит, что мозг наркомана «запоминает» приятные фантазии, чтобы не задерживаться на настоящих воспоминаниях — на всех тех постыдных вещах, которые мы делали, чтобы словить кайф, и на всех тех страданиях, которые мы причинили людям, любившим нас.

— Ну, ты сама-то себя послушай, — внушает мне Рассел. — Ты приезжаешь в кампус престижного университета Лиги плюща. Ты явно под кайфом, но никому нет до этого никакого дела. Тыходишь в помещение, где полно красивых молодых врачей. Они пятнадцать минут внимательно смотрят на твоё тело, после чего устраивают тебе овацию! Ну серьёзно, Куинн! Тут не нужно даже быть Зигмундом Фрейдом, чтобы понять, что к чему!

И наверное, он прав. Одна из самых сложных вещей в процессе реабилитации заключается в том, чтобы принять тот факт, что ты не можешь больше доверять своему мозгу. Наоборот, ты должен понять, что твой мозг превратился в твоего злейшего врага. Он будет толкать тебя обратно на дурной путь, заглушать голос логики и здравого смысла и исказить самые дорогие твои воспоминания, превращая их в дикие фантазии.

И тем не менее есть вещи, которые являются непреложной истиной.

Меня зовут Мэллори Куинн, и мне двадцать один год.

Я на реабилитации вот уже восемнадцать месяцев и могу честно сказать, что не испытываю абсолютно никакого желания употреблять алкоголь и наркотики.

Я прошла программу «Двенадцать шагов» и вверила свою жизнь Господу и Спасителю нашему Иисусу Христу. Библии проходим на улицах я, конечно, не раздаю, но каждый день молюсь, чтобы Он помог мне удержаться на правильном пути, и пока что это работает.

Живу я на северо-западе Филадельфии, в «Спасительной гавани», финансируемом городом приюте для женщин на заключительных стадиях реабилитации. Все его обитательницы уже значительно продвинулись по пути исправления, делом доказали свою приверженность здоровому образу жизни и заслужили множество послаблений. Мы сами покупаем продукты, готовим себе еду и не обязаны подчиняться большей части строгих правил.

С понедельника по пятницу я работаю помощником воспитателя в детском саду «У тетушки Бекки», расположенном в кишасщем мышами жилом доме, куда ходят шестьдесят маленьких воспитанников от двух до пяти лет. Большую часть дня я занята тем, что меняю им подгузники, раздаю крекеры и включаю «Улицу Сезам». После работы я отправляюсь на пробежку, а затем либо иду на собрание «Анонимных наркоманов», либо просто остаюсь в «Спаси-

тельной гавани» со своими соседками, и мы вместе смотрим фильмы вроде «Уплывая в любовь» или «Навсегда в моем сердце» на канале «Холлмарк». Можете смеяться, если хотите, но я гарантирую вам, что ни в одном фильме канала «Холлмарк» вы не увидите проститутку, которая вдыхает дорожки из белого порошка. Потому что не нужно, чтобы такие образы отпечатывались в моем мозгу.

Рассел согласился курировать меня, потому что раньше я занималась бегом, а он долгое время тренировал спринтеров. Рассел был вторым тренером сборной США на летней Олимпиаде 1988 года. Потом он готовил команды Арканзасского университета и Стэнфорда к студенческим чемпионатам по легкой атлетике. А совсем потом он, находясь за рулем своей машины, под воздействием метамфетаминов насмерть сбил своего соседа. Отсидев пять лет за непредумышленное убийство, Рассел вышел на свободу и впоследствии стал священником. Сейчас он курирует одновременно пятерых или шестерых завязавших наркоманов, в большинстве своем таких же бывших спортсменов, как и я.

Рассел вдохновил меня снова начать тренироваться (он называет это «бегом к выздоровлению») и каждую неделю составляет для меня индивидуальный план тренировок, в котором бег на длинные дистанции и спринтерские пробежки по берегу реки Скулкилл перемежаются силовыми упражнениями в спортзале Ассоциации Христианской молодежи. Расселу шестьдесят восемь, вместо тазобедренного

сустава у него титановый протез, но он до сих пор отжимает двести фунтов, а по субботам и воскресеньям выходит вместе со мной на тренировку, корректируя мою технику и подбадривая меня. Он не устает напоминать, что у бегуний пик формы наступает не раньше тридцати пяти, так что лучшие мои годы еще впереди.

Также он убеждает меня в необходимости подумать о своем будущем — начать жизнь с чистого листа, в новом окружении, подальше от старых друзей и старых привычек. Поэтому он организовал мне собеседование с Тедом и Каролиной Максвелл, друзьями его сестры, которые не так давно переехали в городок Спрингбрук в Нью-Джерси. Они подыскивают няню для своего пятилетнего сына Тедди.

— Они только что вернулись в Штаты из Барселоны. Отец занимается компьютерами. Или бизнесом? Чем-то таким, что приносит хорошие деньги, забыл подробности. В общем, они переехали, чтобы Тедди — который сын, не отец, — мог осенью пойти в школу. В подготовительный класс. Так что пока они берут тебя до сентября. Но если все срастется, кто знает, может, они оставят тебя на постоянку.

Рассел настаивает на том, чтобы отвезти меня на собеседование. Он из тех людей, которые всегда одеты так, как будто собрались в тренажерный зал, даже когда не собираются тренироваться. Сегодня на нем черный адидасовский спортивный костюм с белыми лампасами. Мы едем на его внедорожнике по мосту Бена Франклина, по левой полосе, обгоняя по-

путные машины. Я вцепляюсь в ручку на потолке и утыкаюсь взглядом в колени, стараясь держать себя в руках. Не люблю машины. Всюду, куда мне нужно, я добираюсь на автобусе или на метро, и это первый раз почти за год, когда я куда-то выезжаю за пределы Филадельфии. Ехать нам всего десять миль, но у меня такое чувство, как будто я лечу на Марс.

— В чем дело? — спрашивает Рассел.

— Ни в чем.

— Ты напряжена, Куинн. Расслабься.

Но как тут расслабишься, когда мимо нас справа проносится громадный междугородний автобус? Прямо-таки «Титаник» на колесах; кажется, если я высуну из окна руку, я смогу до него дотронуться. Я жду, пока автобус проедет, чтобы можно было говорить, не перекрикивая рев его двигателя.

— А мама?

— Каролина Максвелл. Она врач в госпитале при Министерстве по делам ветеранов. Где работает моя сестра Дженни. Через нее я про их семью и узнал.

— Что ей про меня известно?

Он пожимает плечами.

— Ей известно, что ты не употребляешь уже семнадцать месяцев. И что я могу дать тебе высочайшие профессиональные рекомендации.

— Я не это имею в виду.

— Не переживай. Я рассказал ей всю твою историю, и ей не терпится познакомиться с тобой лично. — На лице у меня, видимо, отражается скепсис, потому что Рассел продолжает меня убеждать. —

Эта женщина работает с алкоголиками и наркоманами. И ее пациенты — ветераны боевых действий, я имею в виду «Морских котиков», травмированных на всю голову после Афгана. Не пойми меня неправильно, Куинн, но по сравнению с ними твоя история — детский лепет.

Какой-то придурок выбрасывает из окна своего джипа пластиковый пакет с мусором; увернуться нам некуда, так что мы налетаем на него колесом на скорости шестьдесят миль в час. Слышится громкий треск лопающегося стекла. Как будто взорвалась бомба. Рассел как ни в чем не бывало тянется к регулятору кондиционера, и в салоне делается немного попрохладнее. Я разглядываю собственные колени до тех пор, пока рев двигателя не становится тише и я не ощущаю, что мы начинаем съезжать со скоростной трассы.

Спрингбрук — один из тех мелких городков на юге Нью-Джерси, которые ведут свою летопись со времен Американской революции. Он застроен старыми домами в колониальном и викторианском стиле, над дверьми которых вывешены американские флаги. Асфальт на улицах идеально ровный, без выбоин, тротуары выглядят безупречно. Нигде ни намека на мусор.

Мы останавливаемся на светофоре, и Рассел опускает боковые стекла.

- Ты слышишь? — спрашивает он.
- Я вообще ничего не слышу.

— Вот именно. Тут очень тихо. Идеальное место для тебя.

Загорается зеленый, и мы едем вдоль растянувшихся на три квартала магазинов и ресторанов: тут тебе и тайское заведение, и смузи-бар, и веганская кондитерская, и детский сад для собак, и студия йоги. А еще детская «Математическая гимназия» и небольшой книжный магазинчик с кофейней внутри. Ну и, разумеется, «Старбакс», все столики перед которым заняты подростками, уткнувшимися в свои айфоны. Выглядят они как дети с рекламы: в яркой одежде и новенькой обуви.

Потом Рассел сворачивает на боковую улочку, и мы едем мимо одного идеального дома за другим. По обеим сторонам дороги высятся величественные деревья, которые отбрасывают густую тень на тротуары и наполняют квартал яркой зеленью. Там и сям на обочине стоят знаки, на которых крупными буквами написано: «ТУТ ЖИВУТ ДЕТИ — СНИЗЬТЕ СКОРОСТЬ!», а когда мы подъезжаем к четырехстороннему перекрестку, улыбающийся регулировщик-волонтер в неоновом жилете делает нам знак проехать. Все до последней мелочи здесь такое невообразимо идеальное, что кажется, как будто мы очутились в декорациях к какому-нибудь кинофильму.

Наконец Рассел сворачивает к обочине и останавливается в тени плакучей ивы.

- Ну, Куинн, ты готова?
- Не знаю.

Я отгибаю солнцезащитный козырек на лобовом стекле и смотрю в зеркальце. По совету Рассела я оделась как вожатая летнего лагеря: на мне зеленая футболка с круглым вырезом, шорты и безупречно-белые кеды. Еще совсем недавно у меня были волосы до талии, но не далее как вчера я остригла их и пожертвовала на парики для онкологических больных. Теперь на голове у меня короткий черный «боб», и я с трудом себя узнаю.

— У меня для тебя два бесплатных совета, — говорит Рассел. — Во-первых, обязательно скажи им, что их ребенок одаренный.

— Откуда я могу это знать?

— Это не имеет никакого значения. В этом городе все дети одаренные. Просто найди способ вернуть это в разговоре.

— Ясно. А второй совет какой?

— Ну, если собеседование пройдет плохо или тебе покажется, что они колеблются, ты всегда можешь предложить им вот это.

Он открывает бардачок и показывает пакетик, который мне страшно не хочется вносить в этот дом.

— Ох, Рассел, я даже не знаю.

— Не отказывайся, Куинн. Отнесись к этому как к козырю в рукаве. Ты не обязана его выкладывать, но он может тебе пригодиться.

За время моего пребывания в реабилитационном центре я наслушалась достаточно историй, чтобы понимать, что он, наверное, прав. Я с неохотой беру пакетик и поглубже запикиваю в сумку.

— Ладно, — говорю я ему. — Спасибо, что подвезли.

— Слушай, я подожду тебя в «Старбаксе». Позвони мне, как закончишь, и я отвезу тебя обратно.

Я настаиваю, что это излишне и что я прекрасно могу вернуться обратно в Филадельфию на поезде, а Рассел пускай едет домой, пока на дорогах еще нет пробок.

— Ладно, но ты все равно позвони мне, как закончишь, — говорит он. — Я хочу услышать все подробности, ясно?

2

Едва я выхожу из машины, как на меня обрушивается послеполуденная июньская жара. Рассел, просигналив на прощание, уезжает, и я понимаю, что пути назад нет. Дом Максвеллов представляет собой классический трехэтажный викторианский особняк, обшитый желтым сайдингом и украшенный белой деревянной резьбой. Весь первый этаж опоясывает просторная терраса, на которой расставлены плетеная мебель и вазоны с желтыми бегониями и маргаритками. С задней стороны участок граничит с лесом — или это какой-то парк? — так что птицы оглушительно поют на всю улицу, а насекомые деловито жужжат, гудят и стрекочут.

Я прохожу по выложенной каменными плитами дорожке, поднимаюсь на крыльцо и звоню в дверь. Открывает маленький мальчик. У него огненно-рыжие волосы, которые стоят торчком. Он напоминает мне тролля из одноименного фильма.

Я опускаюсь на корточки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

— Ты, наверное, Тедди?

Мальчик застенчиво улыбается вместо ответа.

— Я Мэллори Куинн. А твоя ма...

Он разворачивается и, ни слова не говоря, убегает по лестнице на второй этаж.

— Тедди?

Я не очень понимаю, что делать. Передо мной небольшая прихожая и коридор, ведущий вглубь дома, в кухню. Слева столовая, справа гостиная. Повсюду роскошный сосновый паркет. Воздух в доме свежий, кондиционированный, с легкой ноткой запаха мастики, как будто кто-то только что натирал полы. Вся обстановка выглядит современной и абсолютно новой, как будто ее только что доставили из шоурума дизайнерской мебели.

Я жму на кнопку звонка, но она не издает ни звука. Я нажимаю ее еще трижды — безрезультатно.

— Прошу прощения?

В глубине дома, в кухне, я вижу чей-то силуэт. Женщина оборачивается на мой голос.

— Мэллори? Это вы?

— Да! Здравствуйте! Я пыталась звонить в дверь, но...

— Да-да, я знаю, извините. Надо вызвать мастера.

Прежде чем я успеваю задаться вопросом, как Тедди узнал о моем приближении, женщина выходит из кухни мне навстречу. Я в жизни своей не видела такой грациозной походки — она передвигается бесшумно, как будто ноги ее едва касаются пола. Она высокая и стройная, со светлыми волосами,

бледной кожей и изящными чертами лица, которое кажется слишком нежным для этого мира.

— Я Каролина.

Я протягиваю ей руку, но она внезапно обнимает меня. Она из тех людей, которые излучают теплоту и сострадание, и держит меня в объятиях на мгновение дольше, чем это необходимо.

— Я так рада, что вы пришли. Рассел все мне о вас рассказал. Он очень высокого о вас мнения. Вы в самом деле не употребляете уже восемнадцать месяцев?

— Восемнадцать с половиной.

— Невероятно! И это после всего, что вам пришлось пережить? Просто поразительно. Вы имеете полное право собой гордиться.

Я боюсь расплакаться, поскольку совершенно не ожидала, что она с ходу заговорит о моем прошлом, едва я успела переступить порог ее дома. Но в то же время лучше уж сразу покончить с этим, выложить все карты на стол.

— Это было непросто, но с каждым днем становится все легче и легче.

— Именно так я и говорю своим пациентам. — Она отступает на шаг назад, с ног до головы окидывает меня взглядом и улыбается. — Нет, вы только поглядите! Вы выглядите совершенно здоровой, вы просто светитесь!

В доме царит приятная прохлада — истинное наслаждение после удушливой жары на улице. Я иду следом за Каролиной мимо лестницы на второй

этаж в кухню. Светлая и просторная, она выглядит как съемочная площадка какого-нибудь кулинарного телешоу. Тут тебе и большой холодильник, и холодильник поменьше, и газовая плита с восемью конфорками. Прямоугольная раковина такой ширины, что требует двух отдельных кранов, а счет ящиков и шкафчиков всех мыслимых и немыслимых форм и размеров идет на десятки.

Каролина открывает крошечную дверцу, и я понимаю, что есть еще и третий холодильник, миниатюрный, набитый охлажденными напитками.

— Так, у нас тут есть минералка, кокосовая вода, холодный чай...

— Мне минералки, если можно. — Я поворачиваюсь к широкому панорамному окну, выходящему на задний двор. — У вас очень красивая кухня.

— Просто огромная, правда? Слишком большая для троих. Но мы влюбились в этот дом, так что ничего другого искать не стали. Прямо за домом начинается парк, вы заметили? Тедди обожает бегать по лесу и шуметь вовсю.

— Наверное, это весело.

— Но нам приходится постоянно осматривать его, не подцепил ли клещей. Прямо хоть блошинный ошейник ему покупай.

Каролина подносит стакан к генератору льда, раздается нежный перезвон — словно ветер играет китайскими колокольчиками у нее на крыльце, — и в стакан сыплются ледяные кристаллики. У меня такое чувство, как будто я стала свидетельницей

какого-то волшебства. Каролина наливает в стакан шипящую минералку и протягивает мне.

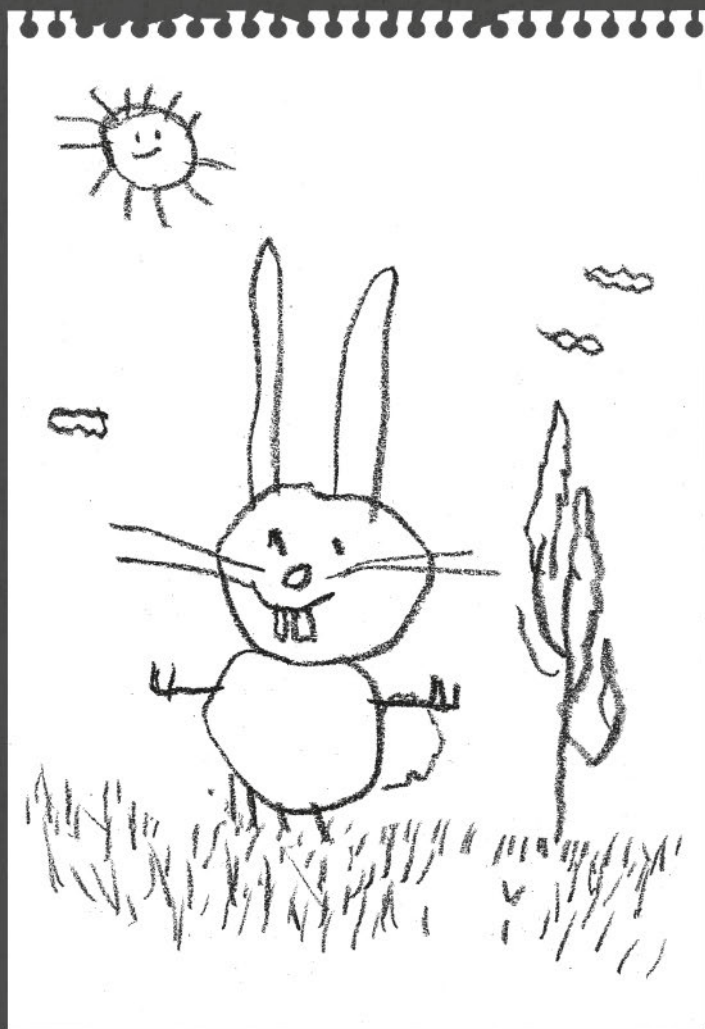
— Может, сэндвич? Или еще что-нибудь?

Я отрицательно качаю головой, но Каролина все равно открывает дверцу большого холодильника, до отказа забитого самыми разнообразными продуктами. Тут и бутылки с натуральным и соевым молоком, и картонные коробки с коричневыми яйцами от куриц, которых никогда не держали в клетках, и пластиковые ведерки с песто, хумусом и пико-де-гайо. Головки сыра соседствуют с кефиром и сетками с сочной зеленью. А фрукты! Гигантские пластиковые контейнеры с клубникой, черникой, малиной и ежевикой, дыня мускусная и дыня медовая! Достав пакет с мини-морковью и ведерко хумуса, Каролина локтем захлопывает холодильник. На дверце висит листок с коряво и неумело нарисованным детской рукой зайчиком. Я спрашиваю, не Тедди ли автор рисунка, и Каролина кивает.

— Всего-то полтора месяца в этом доме, а он уже намекает, что неплохо бы завести какое-нибудь животное. Я сказала ему, что сначала нужно до конца разобрать вещи.

СКРЫТЫЕ КАРТИНКИ

Рекулик Дж.

Р 36 Скрытые картинки : роман / Джейсон Рекулик ; пер. с англ. И. Тетериной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 512 с. : ил. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-21423-1

Когда твоё прошлое — груда развалин и ты, чудом выкарабкавшись из-под них, даже не представляешь себе, как жить дальше, едва ли стоит рассчитывать на то, что судьба преподнесет тебе роскошный подарок.

Однако с Мэллори Куин случилось именно это. Молодая спортсменка после тяжелейшей жизненной катастрофы получает идеальную возможность начать жизнь с чистого листа. Она теперь нянька при пятилетнем ребенке в красивом, тихом, уютном городке. Тедди — славный малыш, явно талантливый; он очень любит рисовать. Но с его рисунками происходит нечто мистическое: они становятся все более жуткими и сложными, и вот уже среди них сцена, изображенная как будто совсем не детской рукой: в лесу мужчина куда-то тащит безжизненное тело женщины. Что хотят сказать все эти картинки? Кто разговаривает через них? Заинтригованная и встревоженная, Мэллори пытается разгадать зловещую тайну...

Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕЙСОН РЕКУЛИК
СКРЫТЫЕ КАРТИНКИ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Редактор Светлана Прохвятилова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректоры Виктория Седакова, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 12.08.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 6000 экз. Усл. печ. л. 32.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-АВВ-30369-01-Р